

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-8-21

СТРАТЕГИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРЕНДОВ ТРИНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Багдасарян В. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. В. Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Реконструировать стратегические ориентиры политической и религиозной деятельности Александра Невского в контексте мировых цивилизационных и геополитических трансформаций.

Процедура и методы. Осуществлено параллельное рассмотрение хода исторического процесса в рамках различных цивилизационных сообществ и их взаимодействия. Предложена интегрированная версия истории столетия, как столкновения различных религиозных проектов.

Результаты. Обоснована вероятность выдвижения и реализации Александром Невским стратегии «мягкой силы» для устранения угрозы с востока и расширения ареала христианской цивилизации путём распространения христианства среди монголов. Показана значимость христианской компоненты в монгольском сообществе XIII в., что позволяет оценивать такую стратегию как реалистичную.

Теоретическая и/или практическая значимость. Дан новый взгляд на восточную политику Александра Невского как политику активного религиозно-идеологического влияния, принципы которой могут быть использованы в современной культурной политике России.

Ключевые слова: Александр Невский, цивилизация, религия, монголы, «жёлтый крестовый поход», несторианство, православие, Византия, католицизм, Чингизиды

STRATEGY OF ALEXANDER NEVSKY IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL TRENDS OF THE THIRTEENTH CENTURY

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To reconstruct strategic guidelines in the political and religious activities of Alexander Nevsky in the context of global civilizational and geopolitical transformations.

Methodology. The course of the historical process was simultaneously examined within the framework of various civilizational communities and their interactions. Rather than applying conventional analysis to the events of the 13th century in individual countries, an integrated version of the history of the century as a clash of various religious projects was proposed.

Results. The obtained results substantiated the likelihood of the advancement and implementation by Alexander Nevsky of the soft power strategy, consisting in removing threats from the east and expanding the boundaries of the Christian civilizational area through the spread of Christianity among the Mongols. The article shows the importance of the Christian component in the 13th-century

Mongolian community and its influence on the politics of the Mongols, which makes it possible to assess Alexander Nevsky's strategy as realistic.

Research implications. The theoretical significance of the study is determined by the rethinking of Alexander Nevsky's strategy as an active policy of religious and ideological influence. The practical significance of the article is associated with its potential for the formation of a new cultural policy of Russia in the eastern direction.

Keywords: Alexander Nevsky, civilization, religion, Mongols, "yellow crusade", Nestorianism, Orthodoxy, Byzantium, Catholicism, Genghisids

Вступление. Необходимость интегративного подхода к истории тринадцатого столетия

Тринадцатый век является, вероятно, одним из наименее осмысленных периодов за всю мировую историю. В это столетие произошли события, принципиально изменившие цивилизационную карту мира – гибель и восстановление Византийской империи, падение Хорезма, китайских империй Цзинь и Сун, Багдадского халифата, образование Монгольской империи и начало её распада, создание Делийского султаната, переход из рук в руки Иерусалима. Нельзя сказать, что перечисленные события представляют «тёмные страницы истории». Каждое по отдельности они описаны и хорошо известны специалистам. Но при этом можно утверждать, что традиции целостного осмысления тринадцатого столетия в проекции мирового исторического процесса не сложилось. Возможно, причина отсутствия такого осмысления обуславливается трудностью сведения к единому знаменателю столь разновекторных политических свершений. Говоря современным политологическим языком, реализовывалось одновременно, по меньшей мере, четыре глобализационных проекта – монгольский, арабо-исламский, тюркско-исламский и европейско-католический. За каждой из экспансионистских волн стояла сообразно с временем та или иная религия, что позволяет характеризовать XIII в. как концентрированный период межрелигиозных войн.

Все эти особенности тринадцатого столетия совершенно не находят отра-

жения в традиционной учебной версии истории. В ней представлены лишь некоторые отголоски большого исторического нарратива – монгольское нашествие на Русь, отражение Александром Невским агрессии шведов и немцев на Западе, его выбор в пользу Орды в противоположность выбору Даниила Галицкого, отравление великого князя во время ордынской поездки. Между тем Александр Невский являлся современником многих из перечисленных выше событий мирового значения и не мог не реагировать на них, не учитывать в выстраивании собственной политической линии.

Цель представляемого рассмотрения заключается в восстановлении мирового контекста деятельности Александра Невского. При этом, ввиду неразрывности политики и религии для XIII в., основу проводимой контекстуализации составили религиозно-идеологические основания политических процессов. Вместо «лоскутной» истории отдельных сообществ в данном случае предлагается рассмотреть мировую интегрированную историю, сфокусированную на вопросе стратегического целеполагания русской великокняжеской власти. Речь идёт не об открытии новых фактов, а об интеграции различных фактологических линий исторического нарратива в единый метанарратив.

Александр Невский и стратегия «мягкой силы»

Существует три основных историографических традиции представления деятельности Александра Невского в

альтернативе выбора между Востоком и Западом – «героическая», «коллорационистская» и «евразийская».

Героическая версия была положена в основу российского патриотического нарратива, составив канву восприятия князя в качестве «имени России». Она выражалась описанием сложившейся в тринадцатом столетии ситуации как «Русь между двух огней». Агрессия с Запада оценивалась как более опасный вызов, грозящий не только утратой суверенности, но и потерей идентичности, ликвидацией русской общности по аналогии с онемеченной частью западных славян. Подчинение Западу, сообразно с героической версией, означало для Руси «цивилизационную смерть». Агрессия с Востока несла для Руси значимый материальный урон, но не подразумевала этноцида. Поэтому стратегия Александра виделась в том, чтобы дать отпор агрессору на западе, сосредоточив против него все имеющиеся силы, чтобы в дальнейшем, накопив ресурсы, сбросить с себя и «восточное ярмо». Московские князья воплотили в дальнейшем эту долгосрочную часть проекта в жизнь [2; 3; 19; 25].

Коллорационистская версия состоит в резкой критике князя за его выбор в пользу сотрудничества с Ордой, представлении его в качестве «коллорациониста». В этом выборе Александра Невского виделась измена и европейскому миру, и христианству, и славянской общности, и идеалам свободы. Отсюда якобы и была установлена историческая колея русской «несвободы», с переносом модели монгольского государства и ментальности. Победы же на Неве и Чудском озере сторонники коллорационистской версии оценивали в качестве пропагандистского мифа, камуфлирующего главное – подчинение господству Орды [30].

Основание для третьего подхода было заложено в трудах евразийцев, заявлявших о естественности евразийского монголо-тюркско-славянского альянса. Чингисхан и Александр Невский позици-

онировались как политики-евразийцы. В религиозном плане акцентировалось внимание на веротерпимости народов, поддержке ими культов завоёванных народов. Л. Н. Гумилёвым отмечалось, что Александр Невский стал побратимом сына Батгяя Сартака, являвшегося христианином, а в столице Золотой Орды Сарае была учреждена православная епархия [5; 6; 11; 12].

Но религиозный фактор имел для евразийства подчиненное значение, выступал культурной подробностью по отношению к географическим детерминантам. Географический детерминизм и нивелировка фактора православия были предъявлены в качестве обвинений евразийцам со стороны Г. В. Флоровского.

Однако пересмотр религиозной карты мира под реалии тринадцатого столетия позволяет выдвинуть четвертую версию, совмещающую частично «героический» и «евразийский» подходы, но определяющую стратегию деятельности Александра Невского несколько иначе, чем представлено в них. Условно её можно, сообразно с терминологией Дж. Ная, определить в качестве стратегии «мягкой силы» [22].

Суть её заключалась в возможности продвижения цивилизационных рубежей не только посредством военной силы, но и за счёт религиозной проповеди. Такая возможность открывается в отношении Востока, ввиду начавшегося там религиозного размежевания и поиска новой идентичности. Среди монголов оказалось много христиан, что потенциально превращало их в мощнейшую христианскую силу. Наличие её делало стратегию Александра Невского реалистичной. Впрочем, он не был единственным политиком, прибегавшим к такого рода стратегии в тринадцатом столетии. Одновременно предпринимаются попытки обращения монголов в ислам и буддизм, а также отстаивания ими традиционной тэнгрианской идентичности. Уточнению контекста потенциальной реализации Александром Невским стратегии «мяг-

кой силы», выражаемой в перспективе христианизации монголов, и посвящено проводимое далее рассмотрение.

Цивилизационно-религиозные разломы как контекст стратегического целеполагания: общая характеристика

Традиционная характеристика ситуации – «Русь между двух огней» – недостаточно полно отражает тот цивилизационный кризис, в котором оказался русский православный мир. Даже более важным, чем нашествие Батыя и наступление крестоносцев, явилось для православного сознания падение Константинополя – «второго Рима». Теперь он становится столицей католической Латинской империи. Для православия это было не только утратой сакрального центра цивилизации, но и обрушение всей мировоззренческой системы координат. Католическая экспансия расширяла фронт наступления на Восток. Русские земли оказываются в фокусе крестовых походов [29].

В противоположном направлении, с востока на запад, шла монгольская экспансия. Монголы являлись на тот период мощнейшей евразийской военной силой, и противостоять им Русь была не в состоянии. Как перспектива для Руси возникла и угроза столкновения с исламской экспансией. Принятие ислама ханом Золотой Орды Берке обозначило потенциальную реальность такого сценария. Исламская Золотая Орда, имея в виду отношение мусульман к иноверцам, была для Руси гораздо опасней тенгрианской Золотой Орды Батыя [27].

Какой стратегический выход мог быть предложен в этой ситуации? И был ли вообще стратегический выход? Политику Александра Невского обычно трактуют как жёсткий отпор агрессии на Западе и лоялитет на Востоке. Всё это так, но, однако, не в полной мере отражает стратегию достижения успеха. Стратегия Александра Невского на Востоке не была пассивной покорностью, а имела активный характер. Смысл её состоял в

попытке христианизации монголов, что в тринадцатом столетии, учитывая их религиозную эластичность, было вполне реально. И если бы действительно Монгольская империя или хотя бы Золотая Орда переходили в православие, мировая цивилизационная и геополитическая карта менялись бы принципиально. И не стоит ли задуматься о применении рецептуры Александра Невского уже в отношении современной определения стратегии современной России?

Кончина Александра Невского, ставшая, предположительно, результатом отравления, пришлось на время развертывающегося всеевразийского политического конфликта. В Монгольской империи за власть великого хана велась ожесточенная борьба между внуками Чингисхана и сыновьями Толуя – Хубилаем и Ариг-Бугой. Хубилай поддерживал другой сын Толуя, Хулагу – правитель Ирана, тогда как Ариг-Бугу – их двоюродный брат, сын Джучи, правитель Золотой Орды Берке. Хубилай и Хулагу принимают буддизм. Ариг-Буга оставался на позициях тенгрианства, что обеспечивало поддержку связанной с племенной традицией знати. Берке, как уже указывалось выше, принял ислам. Религия правителя оказывалась и религией подданных (вспомним формулировку из более хронологически поздней эпохи – «чья страна, того и вера»).

Соответственно, политическая борьба за власть сопрягалась и с религиозным конфликтом. Тенгрианско-исламский альянс противостоял буддистскому объединению. Буддисты, по-видимому, пытались найти союзников в лице христиан. И, вероятно, Александр Невский пытался включиться в эту борьбу. Имея в виду описанный расклад политических сил, можно предположить, кто с наибольшей вероятностью стоял в монгольском политическом истеблишменте за его смертью. Но само по себе акторное участие в политической борьбе давало Руси шанс изменения повестки геополитики [31].

Другой конфликт развернулся в это же время внутри христианского мира. Никейский правитель Михаил Палеолог берёт в 1261 г. Константинополь и восстанавливает православную империю. Папа Урбан IV призывает к организации крестового похода против Византии. Восстановление Православной Византии принципиально меняло всю геополитику и давало отсутствующие ранее перспективы для Руси. Выстоять в перспективе глобальной борьбы с Западом православный мир мог лишь заручившись поддержкой какой-то третьей силы. Получить её от арабов не было никакой возможности, и само обращение к арабской помощи таило не меньшие угрозы, чем латинская экспансия. Выход состоял в попытке вовлечения в борьбу монголов, и роль Руси в этом вовлечении могла быть существенной [8].

Падение Византии

Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. было для православного сознания не меньшим кризисом, чем новое его падение уже в пятнадцатом столетии. Оказался утрачен центр православной цивилизации. В возникшей на развалинах Византии Латинской империи управляли французы-католики, официальным языком являлся французский, а сам этот период определяется византистами как время «франкократии» [4].

Падение Византии практически означало не только то, что не существует более Восточной Римской империи, но и делегитимизировало существование всего выстраиваемого вокруг неё православного мира. Существование этого мира полагалось возможным только при наличии центра христианской эйкумены, как последнего и финального в проекции истории мирового царства. То, что Византия пала, могло выражаться тремя следствиями: 1. признанием легитимности Римской империи Запада и религиозное подчинение папе; 2. восприятием происходящего в качестве непосредственного начала

апокалипсических событий, наступление последних времен; 3. выдвижением императива нового имперостроительства, восстановление православной Римской империи.

Линия Даниила Галицкого, который был не единственным в своём выборе в пользу Запада, соотносилась с первым подходом. Второй подход имел также широкое распространение на Руси, будучи выражен в подъёме эсхатологических настроений, восприятию нашествия монголов в качестве знамения Апокалипсиса (приход народов Гога и Магога). Александр Невский, по-видимому, действовал сообразно с третьим из возможных подходов, проводя курс на восстановление Восточной христианской империи теми средствами, которые были тогда для него возможны. В этом отношении можно говорить, что идеи, положенные в основание будущей концепции Третьего Рима, её проектная линия, были выдвинуты ещё в тринадцатом столетии. Условно эта линия может быть определена как проект Александра Невского [1].

Угроза окатоличивания Руси, а соответственно, пресечения православной цивилизации была в этот исторический период особенно велика. Наступление на Восток организовывалось под лозунгом христианизации североевропейских язычников, латентно – уничтожения поствизантийского мира православной альтернативы («схизматиков»). Не случайно, что в 20-х гг. тринадцатого столетия возникший на палестинских землях Тевтонский орден был перемещён в Прибалтику. Заявляется северо-восточное направление крестовых походов, что входило составной частью в общий проект создания вселенской католической империи. Александр Невский дал отпор этой экспансии в 1240 и 1242 гг., но для системного военного противостояния сил было недостаточно. Нужен был новый стратегический ход, который был найден в определенной форме альянса с Востоком [21; 32].

Несторианское христианство

Были ли у проекта русской христианизации Востока реальные перспективы? Такие перспективы действительно имелись и определялись достаточной подготовленностью восточных стран к принятию христианства, знанием учения, наличием епархиальных структур.

В мировом геополитическом раскладе сил в средние века значимым являлось несторианство. Несторианского христианства придерживались многие иранские, тюркские, монгольские народы. Христианами-несториянами являлись, в частности, половцы. Несторианство в своём миссионерском продвижении достигло Индии, Китая, Японии. Во всех этих странах существовали несторианские общины. По масштабу своего распространения несторианское христианство превосходило в фазе своего апогея остальную христианский мир¹.

Название «несторияне» сторонникам этого направления в христианстве дали их противники, связав их учение со взглядами осужденного как еретика архиепископа Константинопольского Нестория. В действительности Несторий не имел к несторианству никакого отношения, а сами несториане называли себя назаряями от поименования Христа «назаритянином». Структурно несториане входили в Церковь Востока, преемником которой выступает сегодня Ассирийская церковь.

Существует распространенный ошибочный взгляд, будто бы несториане отвергали божественную природу Христа и воспринимали его в качестве величайшего из людей, но не Бога. В действительности они являлись диофизитами, то есть исходили из представлений о двойной – божественной и человеческой – неслиянной природе Христа. Отличие от позиций православной и католической церкви состояло именно в утверждении о неслиянности этих природ. Это положение

оказало, вероятно, своё влияние в дальнейшем в раскрытии священнической и мирской природы царской власти².

Согласно представлениям Церкви Востока, христианский мир разделялся на две части – западную и восточную, сферы влияния которых разделялись по границе между Римской империей и Персией. Вся территория от Персии до Японии понималась в качестве пространства, находившегося под юрисдикцией Церкви Востока. Это понимание дихотомии христианского Востока и христианского Запада сложилось, таким образом, ещё до православно-католической дихотомии.

«Жёлтый крестовый поход» и «чёрная легенда» о монголах

Несториане входили в круг монгольской элиты в государствах Чингизидов. «К началу XIII века Церковь Востока, включавшая 146 епархий и 25 митрополий, имела наибольший территориальный охват среди всех христианских церквей, простираясь от Ближнего Востока до Китая и распространяясь в том числе на земли, находившиеся под властью чингизидов».

Монголы не были веротерпимы ко всем. Покровительствуя христианам, они вели борьбу на покоренных землях против ислама, видя в нём конкурента в отношении традиционных тенгрианских верований. И это опасение оказалось не лишено оснований: в четырнадцатом столетии ряд чингизидских государственных объединений, включая Золотую Орду, исламизируются. Но до того момента имело место некое подобие тенгрианско-христианского альянса. Христиане-несторияне составили главную силу так называемого «Желтого крестового похода» 1256–1260 гг., совершенного монголами в помощь западным крестоносцам после неудачи седьмого крестового похода. Результатом этой войны, исключенной из

¹ Гумилёв Л. Н. Несторианство и Древняя Русь. URL: <https://www.gumilev-center.ru/nestorianstvo-i-drevnyaya-rus> (дата обращения: 12.10.2020).

² Иларион (Алфеев). Ассирийская церковь Востока: взгляд на историю и современное положение. URL: <http://yakov.works/history/20/tsypin/alfe2000.html> (дата обращения: 12.10.2020).

школьной схемы истории средних веков, явились значимые геополитические изменения – уничтожение исламского государства низаритов в Иране, уничтожение Аббасидского халифата с центром в Багдаде. Союзниками монголов-христиан выступали Киликийское армянское царство, Антиохийское княжество крестоносцев, Грузинское царство [5; 17; 18; 20; 28; 35; 36].

Характерно, что от участия в походе отказался золотоордынский хан Берке, принявший к тому времени уже ислам. Религиозная принадлежность оказалась, по-видимому, для него более значимым обстоятельством, чем субординация по отношению к великому хану Мункэ, инициировавшему поход своим решением.

Падение Багдадского халифата являлось событием, сопоставимым по степени значимости с падением Византии или Китайской империи. Взяв Багдад, монголы двинулись дальше, дойдя до Палестины и остановившись в непосредственной близости от Иерусалима. Последовавшее затем поражение от мамлюков Л. Н. Гумилёв объяснял изменой крестоносцев, не только не оказавших, вопреки договоренностям, военной помощи монголам-христианам, но и содействовавших мусульманам. Отказ в помощи Гумилёв объяснял расистскими соображениями европейцев. Измена крестоносцев сублимировалась далее в качестве оправдания своей измены в «чёрную легенду о монголах». «Жёлтый крестовый поход» не был признан крестовым походом и в целом в западном историческом нарративе замалчивался. «Чёрная легенда о монголах» станет в дальнейшем одним из важнейших компонентов русофобии, базировавшейся на утверждениях о монгольской парадигме русской несвободы [9; 10].

«Жёлтый крестовый поход» имел место при жизни Александра Невского, который не мог не знать о происходящем и, следовательно, должен был строить свои планы в соответствии с разворачивающимися событиями мировой значимости.

Участие русских в походе из-за позиции хана Берке исключалось, но симпатии к монголам-христианам у великого князя и на Руси в целом, вероятно, существовали. Эти симпатии, по-видимому, стали причиной ухудшения отношений с Золотой Ордой. Но напрямую Берке не мог обрушить свой гнев на князя, так как позиция того соотносилась с позицией великого хана. Возникает сложная политическая игра в рамках треугольника Монгольская империя (великий хан) – Золотая Орда (Берке) – Русь (Александр Невский).

Смерть князя от отравления, возможно, и являлась следствием указанных противоречий. Формула «ищи кому выгодно» позволяет предположить в качестве вероятного заказчика отравления именно Берке. Стратегия «мягкой силы» Александра Невского при тенгрианине Батые, христианах Сартаке и Улагчи была успешной и принималась в Золотой Орде. Но при мусульманине Берке всё в этом отношении принципиально меняется. Вероятно, понимая возникшую угрозу, князь стал искать покровительства через голову Берке в ставке великого хана. И это, соответственно, не могло не встретить противодействия в Золотой Орде.

Чингизиды-христиане

Чингизиды в тринадцатом столетии оказались разделены в вере. Религиозное разделение Чингизидов явилось одним из важнейших и недоучтенных факторов дезинтеграции Монгольской империи. Часть из них осталась в традиционной для монголов тенгрианской вере, другая – приняла ислам, третья – буддизм. Но были среди Чингизидов и христиане. Особым фактором влияния были жёны ханов – христианки, прецеденты женитьбы на которых были многочисленны.

Христианами были правители Золотой Орды Сартак и Улагчи. Краткосрочное нахождение их у власти в Орде в 1256–1257 гг. открывало для Руси прекрасные перспективы, сорванные при Берке [15].

Третьим великим ханом всей Монгольской империи был Гуюк, который в начале своего правления был близок к принятию христианства. Его окружали христиане-несториане, влиявшие на формирование политики великого хана. По свидетельству Плано Карпини, монгольские христиане твердо верили, что Гуюк должен креститься [14, с. 79].

В юношеском возрасте принял крещение будущий правитель чингизидского ислама Олджейту. Крестное имя Николай было ему дано в честь римского папы Николая IV. Однако в дальнейшем Олджейту перешёл в ислам. Первоначально он делал ставку на суннитскую традицию, а затем – на шиизм.

Влиятельнейшей фигурой в Монгольской империи являлась жена сына Чингисхана Толуя Сорхатхани-беки. Она была матерью великих ханов Монгольской империи Мункэ и Хубилайя, претендента на великоханский престол Ариг-Буги, основоположника иранского ильханата Хулагу [28].

Женой Хулагу была также христианка несторианского толка Докуз-хатун. Она покровительствовала христианам и возводила христианские храмы. После взятия монголами Багдада она добилась от Хулагу сохранения жизни всем проживавшим там христианам [35].

Женой Абага-хана – второго представителя династии Хулагидов, стала дочь византийского императора Михаила Палеолога – восстановителя империи Мария Деспина Палеолог. В дальнейшем в православной истории она получит имя Мария Монгольская. Сообщается, что условием бракосочетания являлось крещение Абаги-хана. Её имя увековечено в названии константинопольской церкви Богородицы Панагитиссы – единственного православного храма Стамбула, который не был переделан в мечеть [26; 34].

На христианке был женат и четвертый повелитель государства ильханов Аргун-хан. Это была Урук-хаттун, пытавшаяся обратить в христианство и своих сыно-

вей. Тяготившийся влиянием мусульман, Аргун-хан стремился создать себе опору в христианах, приближаемых им ко двору [17].

Таким образом, перспектива христианизации монголов не была утопией. И при раскладе геополитических сил в Евразии это была для Руси едва ли единственная имеющая перспективы успеха стратегема.

Восстановление Византии

Взятие в 1261 г. Михаилом Палеологом Константинополя и восстановление Византии вновь принципиально изменило цивилизационную карту мира. Для Руси и лично Александра Невского вновь актуализировалась развилка стратегического выбора. Выбор состоял в том, что либо вновь переориентироваться на восстановленную Византию как центр православия, либо продолжать выстраивание основ будущей евразийской православной империи. По-видимому, Александр Невский, и далее московские князья, отдавали предпочтение второй перспективе.

О том, что Византия уже не являлась той силой – политической и, главное, – духовной, как прежде, свидетельствовал состоявшийся уже через 11 лет после смерти Александра Невского Второй Лионский собор, обозначивший готовность со стороны византийских властей – светской и духовной, признать первенство папского Рима.

К сожалению, в традиционном изложении истории России оказалось неакцентировано значение состоявшегося в 1274 г. Владимирского архиерейского собора, как и в целом периода от смерти Александра Невского до вокняжения Даниила Московского. Инициатором созыва собора явился стоявший во главе Киевской митрополии с 1243 г. митрополит Кирилл. Когда речь идёт о православном антизападном выборе Александра Невского, то необходимо отметить и фигуру Кирилла, который, собственно, и сфор-

мулировал этот идеологический вектор. Владимирский собор состоялся в год созыва Второго Лионского собора Римской Церкви и в значительной мере являлся ответной реакцией на связанный с ним вызов продвижения унии. Император восстановленной в 1261 г. Византии Михаил VIII Палеолог заявлял о готовности принятия униатской платформы. Предотвращая угрозу унии, собор во Владимире декларировал твердость Руси в православии. Принятая собором «Кормчая книга», восходящая к византийскому Номоканону, обозначала правовую преемственность от Византии. Кормчая книга представляла собой собрание не только церковных, но и светских законов, и служила основой для управления не только Церковью, но и общества в целом. Использование церковного права в качестве основы для права светского было характерно для формируемой модели теократического государства [7; 37; 38].

Русофобия и монголофобия: воспроизводство «чёрной легенды»

«Чёрная легенда» о монголах была со временем перенесена на Россию. В условиях современного информационно-психологического противостояния феномен западной русофобии, существовавший и ранее на Западе, достигает своей исторической максимизации. На распространность русофобии вынужден был публично обратить внимание Президент России В. В. Путин¹. Но если проводить анализ генезиса русофобии, обнаруживается его связь с другим феноменом – монголофобией. Негативизация русских и российского государства выстраивалась через обнаружение в их фундаменте монгольской природы. Монгольская же природа определялась негативной априори. В просветительской среде стереотип о монголе как антиевропейце имел нормативный характер. Для иллюстрации

обратимся к творчеству К. Маркса, который выводил русский империализм и автократию из монгольских корней России. Ниже приводятся выдержки из статьи К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века».

«Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Пётр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира». «Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировой агрессии стала необходима вода. Только в результате превращения Московии из полностью континентальной страны в империю с морскими границами московитская политика могла выйти из своих традиционных пределов и найти свое воплощение в том смелом синтезе, который, сочетая захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательные тенденции монгола-властелина, составляет жизненный источник современной русской дипломатии»².

Во время Второй мировой войны в гитлеровской Германии война с СССР на востоке позиционировалась как война Европы с Азией. Монголоидная суть русских постоянно подчеркивалась и акцентировалась в фашистской пропаганде. На оккупированных советских территориях в школах оккупационные власти пытались выстроить схему, сообразно с которой в истории России борются два начала – позитивное – европейское и негативное – азиатское. Азиатское начало прочитывалось как монгольское. Негативное начало утвердилось в России, сообразно с

¹ Путин предупредил об опасности русофобии и пещерного национализма. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2097026/> (Дата обращения: 12.10.2020).

² Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. URL: https://scepisis.net/library/id_878.html (Дата обращения: 12.10.2020).

этой версией, в результате установления монголо-татарского ига [33].

Это было штампом нацистской пропаганды периода Второй мировой войны и вытекало из расистской идеологии Третьего Рейха. Казалось бы, после Нюрнбергского процесса подобные концепты уже невозможны. Но ведь современная украинская пропаганда эксплуатирует очень близкую историческую схему, созданную ранее в рамках польской пропаганды усилиями таких русофобов, как Франциск Духинский. Русские, сообразно с ней, подлинно русскими не являются, а есть этнический конгломерат славян с финно-уграми и монголо-татарами. Испытав ордынское влияние и получив значительную дозу монгольской крови, русские являются природными противниками европейской свободы, демократии и прав человека. Но получается, что монголы, которые будто бы и определили соответствующий вектор истории России, являются противниками всех западных ценностей в ещё большей степени, чем русские [16].

От Франциска Духинского к Альфреду Розенбергу и от него к Ричарду Пайпсу – историческая схема русофобии воспроизводилась на основании общей матрицы [13; 24]. Монгольская парадигма русского менталитета бралась за основу обоснования тезиса, почему русские не подобны европейцам. Эта парадигма раскрывалась в восприятии России через заимствование ей: 1. монгольской автократии; 2. монгольского рабства; 3. монгольского экспансионизма; 4. монгольского бескультурья. Борьба с такими установками пропаганды следует не в попытках доказать отсутствие

монгольского влияния на Русь, а в развенчании лжи в отношении монголов и монгольской культуры, расизма антимонгольского дискурса [39].

Суть русофобии, таким образом, нельзя объяснить и оправдать только той активной внешней политикой, которую проводит Россия. Она генезисно глубже и уходит к фундаменту системного расизма. Монголофобия раскрывает этот расизм в полной мере. И западный расизм следует разоблачать. Представление подлинной истории монгольского народа, его ценностей и идеалов, является и борьбой против пропагандистской негативизации российской истории.

Новая актуализация стратегии Александра Невского

Тема выбора между Востоком и Западом в российском самоопределении, естественно, не сводится ко времени правления Александра Невского. Проблема этого самоопределения будет воспроизводиться и в дальнейшем, актуализируясь сегодня в связи с новым подъёмом Китая. Такая актуализация обуславливает обращение к «стратегии мягкой силы» Александра Невского. Александр Невский видел выход из казавшейся тупиковой для Руси ситуации в христианизации Востока, прежде всего главной тогдашней силы Евразии – монголов. Новое продвижение христианства на Восток, его распространение, в частности, в Китае и других странах региона следовало бы рассмотреть и сегодня в качестве стратегического выхода для России.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. «Второй Рим против Третьего Рима»: исторический генезис конфликта Константинопольского патриархата и русской православной Церкви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2019. № 3. С. 17–31.
2. Бегунов Ю. К. Александр Невский. М.: Яуза-Эксмо, 2009. 336 с.
3. Беляев Н. И. Александр Невский. М.: Воениздат, 1951. 84 с.
4. Васильев А. А. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг.: Academia, 1923. 76 с.

5. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997. 480 с.
6. Вернадский Г. В. Два подвига святого Александра Невского // Наш современник. 1992. № 3. С. 151–158.
7. Воробьев М. Н. Митрополит Кирилл и Владимирский Собор 1274 г. // Исторический вестник. 2000. № 1. С. 29–32.
8. Георгий Акрополит. История. СПб.: Алетейя, 2005. 415 с.
9. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002. 432 с.
10. Гумилев Л. Н. Чёрная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2003. 564 с.
11. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Айрис-Пресс, 2008. 320 с.
12. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: ДИ-ДИК, 1997. 560 с.
13. Гурулев С. А. Ещё раз о расизме, нацизме и их идеологе Розенберге // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 62–75.
14. Дживанни дель Плано Карпини. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. С. 79.
15. Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды (политические взаимоотношения России с Золотой Ордой в конце XIII в.) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.
16. Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов // Отечественные записки: журнал учёно-литературный и политический / А. Краевский и С. Дудышкин. 1864. Т. 155. С. 426–448.
17. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. 390 с.
18. Киракос Гандзакечи. История Армении. М.: Наука, 1976. 359 с.
19. Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб.: Алетейя, 2004. 288 с.
20. Костюков В. П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 2. Казань: Фэн, 2009. С. 69–89.
21. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. – 488 с.
22. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
23. Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 121–137.
24. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
25. Пашуто В. Т. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1974. 160 с.
26. Пашуто В. Т., Шталь И. В. Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства. Послание хана Абаки папе, Клименту IV // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. Новосельского. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 209–213.
27. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
28. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. 221 с.; Т. 1. Кн. 2. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. 315 с.; Т. 2. М., Л.: Издательство АН СССР, 1960. 248 с.
29. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Расцвет. Крушение. Москва: АСТ, 2011. 1008 с.
30. Фенел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
31. Хафизов Г. Распад Монгольской империи и образование улуса Джучи. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. 94 с.
32. Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2012. 624 с.
33. Черняков Д. И. Исторические знания в школьной политике нацистов на оккупированной территории РСФСР // Преподавание истории в школе. 2011. № 3. С. 23–28.
34. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Издательство Московского университета, 2017. 631 с.

35. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1995. 272 p.
36. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia = L'Empire des steppes*, Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Rutgers University Press Publ., 1970. 687 p.
37. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Longman Publ., 2005. 414 p.
38. Nicol D. *The Byzantine Reaction to the Second Council of Lyons, 1274*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1971. 493 p.
39. Riasanovsky N. V. "Oriental Despotism" and Russia. In: *Slavic Review*, 1963, vol. 22, no. 4, pp. 644–649.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. ["The Second Rome against the Third Rome": the Historical Genesis of the Conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church]. In: *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political sciences], 2019, no. 3, pp. 17–31.
2. Begunov Yu. K. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Yauza-Eksmo Publ., 2009. 336 p.
3. Belyaev N. I. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Voenizdat Publ., 1951. 84 p.
4. Vasil'ev A. A. *Latinskoe vladychestvo na Vostoke. Epoha Nikejskoj i Latinskoj imperij (1204–1261)* [Latin rule in the East. The Age of the Nicene and Latin Empires (1204–1261)]. Petrograd, Academia Publ., 1923. 76 p.
5. Vernadskij G. V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Tver, Moscow, LEAN, AGRAF Publ., 1997. 480 p.
6. Vernadskij G. V. [Two exploits of Saint Alexander Nevsky]. In: *Nash sovremennik* [Our contemporary], 1992, no. 3, pp. 151–158.
7. Vorob'ev M. N. [Metropolitan Kirill and the Vladimir Council of 1274]. In: *Istoricheskij vestnik* [Historical Reporter], 2000, no. 1, pp. 29–32.
8. Georgij Akropolit. *Istoriya* [History]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2005. 415 p.
9. Gumilyov L. N. *Poiski vymyshlennogo tzarstva (Legenda o «gosudarstve presvitera Ioanna»)* [The Quest for a Fictional Kingdom (The Legend of the "State of Prester John)]. Moscow, Airis-press Publ., 2002. 432 p.
10. Gumilyov L. N. *Chyornaya legenda: Druz'ya i nedrugi Velikoj stepi* [Black Legend: Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow, Airis-press Publ., 2003. 564 p.
11. Gumilyov L. N. *Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoj istorii* [From Ancient Russia to Modern Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 320 p.
12. Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Ancient Russia to Modern Russia]. Moscow, DI-DIK Publ., 1997. 560 p.
13. Gurulyov S. A. [Once again about racism, nazism and their ideologist Rosenberg]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2006, no. 5, pp. 62–75.
14. Dzhiovanni del' Plano Karpini. [History of the Mongols]. In: *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Plano Carpini and Rubruk's Travel to the Eastern Countries]. Moscow, Geografiz Publ., 1957. 79 p.
15. Egorov V. L. [Alexander Nevsky and the Genghisids (political relations between Russia and the Golden Horde at the end of the XIII century)]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1997, no. 2, pp. 48–58.
16. [Historian Duchinski from Kiev and his disciples from the French senators]. In: A. Kraevskij i S. Dudyshkin, eds. *Otechestvennyye zapiski: zhurnal ucheno-literaturnyj i politicheskij* [Annals of the Fatherland: scientific-literary and political journal], 1864, vol. 155, pp. 426–448.
17. *Istoriya Irana s drevnejshih vremen do konca XVIII veka* [The history of Iran from ancient times to the end of the XVIII century]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1958. 390 p.
18. Kirakos Gandzakeci. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 359 p.
19. Klepinin N. A. *Svyatoj blagovernnyj i velikij knyaz' Aleksandr Nevskij* [The Holy and Great Prince Alexander Nevsky]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2004. 288 p.
20. Kostyukov V. P. [The Iranian campaign of Hulagu: prehistory]. In: *Zolotoordynskaya civilizaciya: Sbornik statej* [Golden Horde Civilization: Collection of articles]. Iss. 2. Kazan, Fen Publ., 2009. pp. 69–89.

21. Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonoscy i Rus'. Konec XII v. – 1270 g. Teksty, perevod, kommentarij* [Crusaders and Rus. End of the XII century – 1270. Texts, translation, commentary]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 488 p.
22. Nye J. *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike* [Flexible power. How to succeed in world politics]. Moscow, Trend Publ., 2006. 397 p.
23. Nikitin A. B. [Christianity in Central Asia (Antiquity and the Middle Ages)]. In: *Vostochnyj Turkestan i Srednyaya Aziya. Istoriya. Kul'tura. Svyazi* [East Turkestan and Central Asia. History. Culture. Connections]. Moscow, Nauka Publ., 1984. pp. 121–137.
24. Pjpes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 427 p.
25. Pashuto V. T. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1974. 160 p.
26. Pashuto V. T., Shtal' I. V. [Some data on sources on the history of the papacy Mongol policy. The message of Khan Abaki to the Pope, Clement IV]. In: *Voprosy social'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii. Sbornik statej k 70-letiyu A. Novosel'skogo* [Questions of socio-economic history and source studies of the period of feudalism in Russia. Collection of articles for the 70th anniversary of A. Novoselsky]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. pp. 209–213.
27. Pochekaev R. Yu. *Tzari ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy* [The kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2010. 408 p.
28. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej* [Collection of chronicles]. Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 221 p.; Vol. 1. Book 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 315 p.; Vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 248 p.
29. Uspenskij F.I. *Istoriya Vizantijskoj imperii. Rascvet. Krushenie* [History of the Byzantine Empire. Flourishing. Downfall]. Moscow, AST Publ., 2011. 1008 p.
30. Fennel J. *Krizis srednevekovoj Rusi. 1200–1304* [The crisis of Medieval Russia. 1200–1304]. Moscow, Progress Publ., 1989. 296 p.
31. Hafizov G. *Raspad Mongol'skoj imperii i obrazovanie ulusa Dzhuchi* [The collapse of the Mongol Empire and the formation of the Jochi Ulus]. Kazan, Tatar Book House Publ., 2000. 94 p.
32. Hrustalyov D.G. *Severnye krestonoscy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostochnoj Pribaltike XII–XIII vv.* [The Northern Crusaders. Russia in the struggle for Spheres of Influence in the Eastern Baltic States of the XII–XIII centuries]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 624 p.
33. Chernyakov D.I. [Historical knowledge in the school policy of the Nazis in the occupied territory of the RSFSR]. In: *Prepodavanie istorii v shkole* [The teaching of history in school], 2011, no. 3, pp. 23–28.
34. Shukurov R. M. *Tyurki v vizantijskom mire (1204–1461)* [The Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow, Moscow State University Publ., 2017. 631 p.
35. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-İlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1995. 272 p.
36. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia = L'Empire des steppes, Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Rutgers University Press Publ., 1970. 687 p.
37. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, Longman Publ., 2005. 414 r.
38. Nicol D. *The Byzantine Reaction to the Second Council of Lyons, 1274*. Cambridge, Cambridge University Press, 1971. 493 r.
39. Riasanovsky N. V. "Oriental Despotism" and Russia. In: *Slavic Review*, 1963, vol. 22, no. 4, pp. 644–649.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Стратегия Александра Невского в в контексте цивилизационных трендов тринадцатого столетия// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 8–21.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-8-21

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. Strategy of Alexander Nevsky in in the context of civilizational trends of the thirteenth century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 8–21.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-8-21